ЕКАТЕРИНА КАБЛУКОВА
ТАТЬЯНА КОВАЛЕВА

ГОСПОЖА "НЕТ"

ИЗМЕНА АЛЬЯНСУ

ИДДК

Екатерина Каблукова

Госпожа «Нет». Книга 1. Измена Альянсу

«ИДДК»

2023

Каблукова Е.

Госпожа «Нет». Книга 1. Измена Альянсу / Е. Каблукова — «ИДДК», 2023 — (Госпожа «Нет»)

«Измена Альянсу» - фантастический роман Екатерины Каблуковой и Татьяны Ковалёвой, первая книга цикл "Госпожа «Нет»", жанр любовная фантастика, романтическая фантастика. Где-то в далекой галактике... Она всегда считала жителей Альвиона своими врагами. Надменные, косные имперцы, один из которых когда-то был ее мужем. Именно поэтому Эмбер Дарра всегда была готова ринуться в бой и отстоять законные интересы Альянса. Но как все повернется, когда во власти императора Альвиона окажется дочь Эмбер? Бесконечно любимая и бесконечно непослушная. И к чему приведет их сражение? Ведь от ненависти до любви…

© Каблукова Е., 2023
© ИДДК, 2023

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 15
Глава 3 18
Глава 4 27
Глава 5 29
Глава 6 33
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Екатерина Каблукова, Татьяна Ковалева
Госпожа Нет. Книга 1. Измена Альянсу

© Каблукова Екатерина, Ковалёва Татьяна
© ИДДК

Содержание цикла "Госпожа «Нет»"

Книга 1. Измена Альянсу
Книга 2. Любовь без ошибок

Глава 1

Дзиньк. Закрывающиеся двери лифта снова раздвинулись, пропуская мужчину в темно-сером костюме, явно сшитом на заказ.

– Добрый вечер, госпожа Дарра!

Дзиньк. Звон отозвался в голове тупой болью.

– Добрый вечер, – губы сами привычно раздвинулись в улыбку при виде соседа. Главное – не показывать, что устала. Это слабость, а Эмбер не могла себе позволить быть слабой. Она бросила мимолетный взгляд на блестящую поверхность стен.

Оттуда на нее привычно смотрела хрупкая блондинка в светло-сером костюме. Золотистые волосы собраны в тугой узел, легкий, почти незаметный макияж скрывает темные круги усталости. Из-под пиджака выглядывает зеленый, в цвет глаз, шарф.

И никаких украшений, только строгие часы. Мужские, с тремя циферблатами и кучей стрелок. Слишком массивные для тонкой женской руки. Часы были почти новые, купленные всего две недели назад на годовщину…

– Послушайте, говорят, сегодня вы превзошли саму себя! – мужчина говорил слегка насмешливо, как всегда, когда им приходилось изображать всего лишь соседей. – Все новостные ленты пестрят комплиментами в вашу честь!

– Надеюсь, вы не собираетесь повторять их мне? – одна из самых известных и, что немаловажно, высокооплачиваемых адвокатов Межгалактического Альянса слегка изогнула бровь. Собеседник насупился и обиженно посмотрел на нее:

– Я думал, вам будет приятно услышать это!

– Благодарю вас! Вы необычайно любезны, – отозвалась Эмбер.

Она слишком устала, чтобы вникать в этот поток комплиментов, но ссориться с соседом по пустякам не хотелось. Кажется, мужчина еще что-то говорил, но госпожа Дарра уже не слушала.

Ее охватила апатия – как всегда бывало после тяжелой работы. А сегодня судебное заседание длилось целых двенадцать часов.

«Прийти домой, скинуть туфли, набрать горячую ванну, добавить любимой пены, с запахом жимолости… Зачерпнуть бокалом лед, плеснуть туда виски ровно так, чтобы золотисто-янтарная жидкость закрыла полупрозрачные кубики…» – женщина прислонилась плечом к стене кабины, чуть прикрыла глаза. Длинные темные ресницы отбрасывали тени на бледную кожу. Завиток выбился из прически и прилип к щеке.

Мужчина шумно выдохнул и окинул ее жадным взглядом.

Хрипловатый голос, глубокий, будоражащий. Манящая улыбка. Плавные движения. Эмбер Дарра была хороша, слишком хороша. Известный банкир, он давно желал ее. С того самого момента, когда изящная блондинка переехала в квартиру напротив. Или еще раньше, когда видел броские заголовки газет: «Великий Альвион вновь повержен!», «Чопорной империи в очередной раз сказали “Нет!”» – он знал, что под этими заголовками обязательно увидит хрупкую блондинку с огромными мужскими часами на тонком запястье.

Каково же было его удивление, когда год назад они столкнулись в лифте! Он остолбенел, но тут же спохватился и завел разговор. Она отвечала очень сдержанно. Когда лифт остановился на этаже и оказалось, что они соседи, банкир не мог поверить в свою удачу и пригласил госпожу Дарру в ресторан. Отпраздновать новоселье. Она отказалась. Раз, другой, а на третий вдруг согласилась. Он возликовал, но, как оказалось, торжествовать слишком рано.

Нет, они устраивали свидания, если можно назвать свиданиями эти редкие встречи раз в месяц. Каждый раз оказывались в постели, но всегда только по желанию госпожи Дарры.

Не звонить, не писать сообщений, вне квартиры изображать всего лишь друзей из-за дочери Эмбер, несносной вездесущей девчонки тринадцати лет, ограничений было слишком много.

– Может быть, отпразднуем ваш успех? – банкир многозначительно помолчал и добавил: – Мне как раз доставили пару бутылок игристого из Шампании.

– Огромное спасибо, – улыбнулась она просто ослепительно, правда, глаза так и остались ледяными. – Не сегодня.

– Но…

– Нет.

На мгновение мужчина решил было просто прижать ее к себе, а там… там наверняка эта недотрога томно вздохнет и поднимет к нему очаровательные губки. И… Но потом вспомнил, что его соблазнительная блондинка – известный во всех обитаемых мирах юрист, специализирующийся на международном праве.

Интересно, если к ней пристать в лифте да попытаться ее облапать прямо под системой видеонаблюдения – она подаст в суд? Что-то подсказывало ему, что такое наиболее вероятно. Сразу вспомнилось, как месяц назад он, после достаточно страстного вечера, предложил Эмбер попробовать пожить вместе и получил решительный отказ: «Я не хочу ничего менять в своей жизни, да и тебе не советую. Как адвокат и просто соседка».

«Такая красивая – и такая ледяная стерва!» – Мужчина прищурил глаза. Внезапно вспомнилась их последнее свидание.

Золотистые волосы, разметавшиеся по подушке, полуоткрытые губы, совершенные линии тела.

Мужчина с какой-то горечью подумал, что все происходило именно тогда, когда она хотела этого сама. В остальных случаях адвокат говорила «нет» абсолютно непререкаемым тоном.

Госпожа Нет – именно так Эмбер Дарру называли за глаза в кулуарах делового мира. Поговаривали, она знала и очень гордилась этим прозвищем.

Сосед бросил еще один задумчивый взгляд на хрупкую фигуру, отражавшуюся в зеркальных стенах лифта. Едва заметная улыбка мелькнула на губах женщины, словно она прочитала его мысли.

«Сотый этаж», – возвестил механический голос.

«Ну наконец-то!» – Эмбер виновато-вежливо улыбнулась соседу:

– Прости, я очень устала… – Не стоило портить отношения на ровном месте.

Двери лифта беззвучно разъехались.

– Всего доброго, господин Лукаш.

– А может, все-таки? – попытался он еще раз.

– Нет.

Непререкаемый тон заставил зло сощурить глаза. Возразить он не успел.

Не обращая на мужчину внимания, Эмбер повернула направо, остановилась перед входной дверью, делая вид, что ищет ключи, а на самом деле собираясь с силами. Прошел год, она давно живет в новой квартире, и все равно боится заходить в дом, потому что там нет…

Почувствовав, что в глазах защипало, Эмбер тряхнула головой. Надо отбросить эти мысли прочь. Еще не хватало проявить слабость, расплакаться на глазах у соседа и любовника, который так и остался стоять, задумчиво смотря вслед.

Очередная дежурная улыбка на губах, и Эмбер, махнув на прощание рукой, шагнула через порог в свою квартиру.

– Дом, милый дом! – с фальшивой бодростью пропела она.

Небрежно скинула туфли, посмотрела на них, нахмурилась и все-таки наклонилась, чтобы выровнять. В глаза бросилась новенькая розовая кроссовка, лежащая на боку. Одна. Вторая обнаружилась на входе в гостиную, откуда слышалась громкая музыка. В данном слу-

чае это удача, Алекс дома и ей не придется очередной раз обзванивать друзей дочери, выясняя, у кого она в гостях.

Эмбер прошла в комнату, ступая босыми ногами по полу. Корхардский мрамор приятно холодил ступни даже сквозь тонкие чулки.

Завтра… все снова… К семи утра на работу, помощники должны подготовить документы по очередному иску к империи Альвион – самому высокомерному, чопорному, закрытому, богатому и потому ненавидимому всеми миру. Именно надменным имперцам она очередной раз щелкнула по носу, выиграв дело о родительских правах на ребенка для гражданки Межгалактического Альянса.

Каждый раз, выигрывая иск против этих чванливых снобов, Эмбер испытывала какое-то особое, ни с чем не сравнимое удовольствие. Ее психолог, да, она иногда посещала психолога, чувствуя потребность выговориться кому-то, не опасаясь, что информация станет достоянием общественности, настаивала, что именитый адвокат страдает от комплекса брошенной жены и все еще пытается доказать что-то бывшему мужу.

Сама Эмбер так не считала. Но… Женщина вновь тряхнула головой, на этот раз просто отметая все возражения. Хватит об Альвионе! Сейчас надо отдыхать! Проверить уроки у Алекс, набрать ванну, выпить бокальчик виски. А дела – дела только завтра!

– Госпожа Дарра! – обрадовалась экономка, заглядывая в комнату. В руках женщина держала выглаженные шелковые блузки. – Вы дома!

– Не прошло и трех суток, – проворчала та, стягивая чулки и сразу направляясь к бару. Босыми ступнями по пушистому ковру – просто счастье какое-то!

– Да, мы с Алекс переживали!

Эмбер бросила насмешливый взгляд через плечо. Что за нее переживала госпожа Львофф – она верила. Та вообще переживала за все на свете: от мелкой мороси за окном – обзор во флаере будет не столь хорошим, до недавно разбитой хозяйкой фарфоровой чашки – надо же, ценная вещь была, старинная. Впрочем, по поводу чашки Эмбер была согласна, хотя так и не призналась, что швырнула ее о стену.

А вот что дочь изволила вынырнуть из своих наушников и соцсетей и обратить внимание на то, что матери нет дома… Вот это вряд ли! Разве что деньги понадобились, а их вдруг не оказалось.

– Мы как раз после обеда слушали по галавизору вашу проникновенную речь о правах женщин. Как вы боролись за бедную девочку! И какое счастье, что вам все удалось! Алекс так радовалась!

– Да-да-да! – кивнула госпожа Дарра, доставая из бара бутылку драгоценного виски и… обнаруживая, что в бутылке осталось меньше половины. А ведь когда она последний раз открывала бар, бутылка едва-едва была початая. Странно. Впрочем, об этом можно подумать и потом… Например, завтра… а сейчас…

Зачерпнуть бокалом льда. Плеснуть янтарную жидкость так, чтобы полупрозрачные кубики едва виднелись на золотистой поверхности… Поднести бокал губам…

Глоток теплом разлился внутри. Еще глоток… после третьего голова начала кружиться. Еще бы! Эмбер так ничего и не ела с самого утра. Да что там, с вечера – утром она выпила лишь чашку крепкого кофе.

Скинув пиджак, знаменитый адвокат буквально рухнула на диван, закинула ноги на подлокотник. Как она любила такое состояние. И как редко позволяла себе его.

Кажется, госпожа Львофф что-то говорила, но Эмбер уже не слушала, прикрыв глаза и смакуя двадцатилетний виски…

Наверное, надо взять отпуск. И куда-нибудь махнуть с Алекс. Горы? Море? Где там люди отдыхают? Хотя… В лучшем случае они с дочерью начнут выяснять отношения еще по дороге,

в худшем – проведут отпуск, уткнувшись в ноутбуки. Она – очередной раз готовясь к заседанию, дочь – общаясь с друзьями из бывшей школы в социальных сетях.

Вот когда была жива мама, то все удавалось как-то сглаживать. И они представлялись вполне приличной семьей. Даже самим себе. Алекс училась, мама вела хозяйство, следила за внучкой, а Эмбер…

Эмбер работала как проклятая, не в силах разорвать круг, остановиться, слишком уж свежо было в памяти состояние, когда она, еще совсем зеленая девчонка, рыдала по ночам в подушку, не понимая, где взять денег, чтобы прокормить семью. Как, краснея и бледнея, она закладывала скромные золотые украшения, чтобы продержаться еще неделю, заплатить за квартиру…

А теперь… Известный адвокат. Дорогая квартира в самом фешенебельном районе… Дочь учится в одной из лучших школ. За успех! Еще глоток. Еще. Бокал пуст. Тяжести в голове чуть меньше, а тепла в организме – чуть больше.

– Ужинать… – донесся голос экономки.

Эмбер отставила бокал и встала. Переоделась, с наслаждением стряхнув костюм. Подумав, сняла и белье.

Натянула пижамные штаны и майку. И замечательные пушистые тапочки: розовые кролики с помпончиками – видели бы ее сейчас клиенты.

Распустила волосы, помассировала затылок, гудящий от шпилек. Еда. И сон.

Дочь так и не вышла, чтобы хоть как-то отметить тот факт, что мать появилась дома. Еще один удар. Психологи утверждали, что Алекс все еще не оправилась от боли утраты, на которую наложились переезд и смена учебного заведения. Как будто сама Эмбер оправилась. Она вздохнула. Надо бы поговорить с дочерью, но… не сегодня. Сегодня она будет отдыхать.

Эмбер прошла на кухню. Черно-белую, полной хромированных блестящих кастрюль и незаменимых гаджетов. В электрогриле аппетитно скворчало мясо. Госпожа Львофф уже раскладывала салат по тарелкам. Эмбер села и протянула руку.

Тр-р-р-р… – раздалась противная трель новомодного галафона.

– Черт, – простонала женщина.

Бросила взгляд на развернувшийся вирт-экран. Куратор из школы Алекс. Учебное заведение гордилось своей схожестью с Окснафордским колледжем, самым привилегированным и закрытым заведением империи Альвион: строгая школьная форма, удлиненный учебный день, расширенная школьная программа и кураторы для каждого ученика. Это стоило немало, но Эмбер в прошлом году заметила, что дочь интересуется подобными учебными заведениями Альвиона, и постаралась воплотить желание Алекс в жизнь. Наладить отношения это не помогло. Более того, Эмбер казалось, что после перевода дочь возненавидела ее еще больше.

Трель повторилась. Куратор словно знала, что госпожа Дарра дома. Впрочем, наверняка она тоже смотрела новости. Значит, игнорировать не получится. Пришлось дать команду включить программу. Без камеры.

– Добрый день, госпожа Дарра!

На экране появилась темноволосая немолодая женщина. Строгий костюм темных тонов, тонкие губы сжаты в одну линию.

– К сожалению, я не с хорошими новостями. Вас завтра приглашает директор школы. И речь пойдет, скорее всего, об отчислении вашей дочери.

– К-как?.. – Не будь она опьяневшей и усталой, Эмбер нашла бы слова, способные прояснить ситуацию, но сейчас преимущество было на стороне звонившей. Куратор поняла это и начала заранее подготовленную речь:

– Госпожа Дарра, я понимаю, что Алекс подросток. Но это не оправдывает ее поведение: дерзкие ответы учителям, провокации одноклассников, азартные игры…

– Что?

– Карты.

– На деньги? – Эмбер прикрыла глаза.

– Нет, на желание, но вы же понимаете, репутация учебного заведения…

– Да, конечно. Знаете, мне кажется, она просто не смирилась с потерей…

Куратор строго посмотрела поверх очков в темной оправе:

– Простите, но бабушка Алексии умерла год назад. И она не единственный родственник! У девочки есть вы! Из уважения к вам, госпожа Дарра, мы долго закрывали глаза. Но то, как ваша дочь ведет себя в школе, переходит все границы… К тому же эти волосы – прямое нарушение нашего устава.

– Какие волосы? – пробормотала Эмбер. Лицо женщины на экране стало еще строже. А губы превратились в одну тонкую линию:

– Госпожа Дарра, когда вы в последний раз видели свою дочь? Вы в курсе, что с ней происходит?

Эмбер скрежетнула зубами.

– Извините, у меня срочный вызов, – она щелкнула по панели, сворачивая экран, и резко окликнула:

– Алекс!

Понятно, ей никто не ответил. Только домработница затихла и, казалось, вообще перестала дышать. Эмбер кинула на нее грозный взгляд, увидела молитвенно сложенные руки. Поняла, что если сейчас услышит тихое в исполнении госпожи Львофф: «Пожалуйста! Она же ребенок!..» – то начнет убивать, и стремительно вышла из кухни.

Рывком открыла дверь в комнату дочери, не обращая внимания на табличку «Не входить! Не хочу никого видеть!», и проговорила, из последних сил сдерживаясь, чтобы сразу не сорваться на крик:

– Как прикажешь понимать звонок из школы?

Дочь как сидела спиной, так и продолжила. Не отреагировав вообще никак. Только сейчас Эмбер заметила, что волосы дочери выкрашены в розовый цвет. Ярко-розовый, словно жвачка, прилипшая к ботинку во время прогулки в парке. Почему-то воспоминания о жвачке разозлили. Подлетев к Алекс, женщина сорвала наушники, невольно дернув ядовито-розовую прядь, зацепившуюся за провод.

– Ай! Ты чего?!

Дочь развернулась к ней. Зеленые глаза сверкали гневом. Точно такие же глаза Эмбер каждый день видела в зеркале. Неизвестно почему, но это разъярило еще больше, чем розовые волосы.

– Что. Случилось. В школе? – Изо всех сил стараясь оставаться спокойной, проговорила она. В глазах мелькнул испуг. Дочь с деланным безразличием пожала плечами:

– Ничего.

– Не лги мне! – потребовала Эмбер.

– Я завалила контрольную.

– Одну? – Пристальный взгляд, под которым ежились самые стойкие свидетели на суде, не оказал на дочь никакого воздействия.

– Я не стала их писать. Испортила рейтинг школы, – девочка с вызовом взглянула на мать.

– Вот как? – Эмбер скрестила руки на груди. – И почему же? Потому что ничего не учила?

– Потому что в этой школе всегда найдут к чему придраться!

– Разумеется, это же одно из лучших учебных заведений в стране!

Алекс промолчала, только скривила губы, выражая сомнение. Это разозлило еще больше.

– Ну хорошо, пусть ты отстала по программе, но были же репетиторы! Я лично говорила с ними! Они что, не смогли подтянуть тебя? – спросила Эмбер, уже зная ответ, но все еще надеясь на что-то. Дочь молчала. Нехорошее подозрение закралось в душу.

– Алекс!

Девочка прикусила губу.

– Ясно. Я даже не спрашиваю, куда ты потратила эти деньги, между прочим, заработанные мной.

Еще один тяжелый взгляд. Дочь вскочила:

– Деньги, деньги! У тебя в голове нет ничего, кроме твоих дурацких денег! Ты кроме них ничего не видишь!

– Прекрати! – взорвалась Эмбер, чувствуя, что голова опять начинает болеть. – Мы говорим сейчас не обо мне, а о тебе! Тебя отчисляют из школы!

– Ну и слава богу. Дурацкая школа!

– Что? – Эмбер задохнулась от негодования. – Ты… ты что, специально завалила контрольные? И твое поведение, карты, волосы… Все для того, чтобы тебя отчислили?

Зеленые глаза подозрительно блеснули, Алекс насупилась и заморгала.

– Я говорила тебе, что ненавижу эту школу, что не буду в ней учиться, но ты не слышишь!

– И что же я не слышу? Что ты привыкла быть отличницей, а в новой школе это невозможно?

– Разумеется, невозможно! Отличники там лишь подлизы и заучки! А, и те, кто гораздо богаче тебя!

– Так, все, хватит! – Эмбер почувствовала, что виски просто раскалываются от боли. – Значит так, дорогая моя, с завтрашнего дня ты под домашним арестом. Я лишаю тебя карманных денег и нанимаю водителя, который будет тебя возить в школу и к репетиторам. Никаких гаджетов, никаких подруг, пока ты не исправишь свои оценки. Надеюсь, все ясно?

Повисла пауза. Долгая. Похожая на ледяную стену. Прозрачную. Но уже непробиваемую. Молчание нарушалось только громким сопением Алекс.

– Да, мама, – кивнула вдруг дочь – и подняла на Эмбер глаза, полные слез. – Конечно. Конечно, все ясно, что я не такая. Тебе я всегда не такой была.

– Что за чушь?

– Ты с самого начала меня не хотела. Потому что я сначала мешала тебе нормально учиться, потом побеждать в судах, а потом строить карьеру.

– Да как ты смеешь мне это говорить?!

– Я – смею. Потому что это правда. Может, я бабушке и нужна была. Но тебе! Тебя никогда не было рядом со мной! Никогда!

Эмбер устало прикрыла глаза, считая до пятидесяти. Больше всего ей хотелось дать дочери пощечину, но она понимала, что это лишь обострит и так затянувшийся конфликт. В уме она попыталась подобрать слова, чтобы убедить Алекс, что это все неправда.

Что с того момента, как она узнала о беременности, у нее никогда и мысли не было избавиться от ребенка, как бы ей ни было тяжело. Что она работала как проклятая, лишь бы выбраться из той пучины, куда их толкнул отец Алекс, чтобы у дочери было все самое лучшее, чтобы они не считали эти проклятые копейки, чтобы за одежду не было стыдно перед одноклассниками. Чтобы…

Поглощенная этими мыслями, она не заметила, что пауза затянулась.

– Молчишь! – взвилась дочь окончательно. – Даже сказать тебе нечего?! – она кинула на мать злой, словно у волчонка, взгляд и мстительно добавила: – Вот поэтому и отец ушел! Веди ты себя по-нормальному, хоть как-то показывай, что он тебе нужен! Разве бы это произошло?

Эмбер дернулась, как будто ей залепили пощечину:

– Алекс! Я запрещаю тебе!..

– Ты! Ты запрещаешь, ты не позволяешь, ты устала! Всегда – ты! Никогда ни о ком! Господи, почему ты не отдала меня отцу? Он бы меня любил!

Эмбер истерично рассмеялась, как всегда, когда слышала такие бредовые высказывания. «Любил!!! Как же!» Но для Алекс это было последней каплей. Решив, что мать смеется над ней, она выскочила из комнаты.

Длинные розовые волосы мазнули Эмбер по лицу. Хлопнула дверь. Потом – топот.

Растерянный голос экономки:

– Алекс, девочка… Ты куда?

В ответ истеричное, слегка наигранное:

– Оставьте меня все в покое! Ненавижу вас всех!

И грохот закрывающейся входной двери.

Странно, но именно это послужило толчком к тому, что Эмбер словно бы очнулась.

– Алекс! – позвала она. – Алекс!

Она в досаде стукнула рукой по стене, потом опомнилась и побежала следом. Надо же догнать, объяснить. Пристыдить, потому что сомневаться в ее любви – это просто… Неправильно!

Можно ругаться, можно дуться, трепать нервы, но сомневаться в том, что дочь – самое дорогое для нее существо, любимое!.. Ради которого она готова на все, это…

Она остервенело нажимала на кнопку лифта. Ничего. И ведь не побежишь вниз, с ее пафосного сотового этажа!

– Давай! Давай! Давай!!! – она стучала ладонью по стене.

Дзиньк…

Двери раскрылись перед ней.

– Наконец-то!

Женщина выскочила на улицу как раз вовремя, чтобы увидеть, как дочь затаскивал во флаер какой-то мужчина.

– Не-е-ет!!! Алекс!!!

Черная громада уже поднимался в воздух. Эмбер вспомнила, что ее сумка вместе с телефоном остались в квартире. Оглянулась и поняла, что не успеет, она просто не успеет ничего сделать.

В глаза бросился ее собственный флаер, стоявший на парковке. Не раздумывая, Эмбер подлетела к нему, приложила ладонь к панели-сканеру.

– Добро пожаловать!.. – приятный механический голос.

– Вверх!

Панель полыхнула алым:

– Ваш голос свидетельствует о значительном психоэмо…

Эмбер не стала слушать, а перевела аппарат в режим ручного управления, дорогая функция, доступная лишь топовым моделям. Рванула виртуальный джойстик вверх так, что ее силой вжало в кресло, подрезала идущий на посадку флаер соседей. Перед глазами промелькнули испуганные лица.

И вот она в воздухе. Краем глаза Эмбер успела заметить похитителей – какое счастье, что их агрегат большой, заметный и неповоротливый. Особенно здесь, в центре, где в небе просто карусель.

– Быстрее! Быстрее! – приговаривала она, словно читая заклинание.

И оно действовало! Никогда Эмбер еще не нарушала правил полетов, несясь с такой скоростью, что небоскребы просто сливались в одну полосу. Прекрасно зная, к чему могут привести любые нарушения правил, до этого момента она предпочитала благоразумную неторопливую езду.

Сегодня же… Сегодня она подрезала, проскакивала на красный, не пропускала никого и вклинивалась в малейшее свободное пространство. И вот она почти догнала тех, кто похитил ее дочь!

Показалась, или в окне она сумела разглядеть заплаканное лицо Алекс. Девочка что-то шептала, во всяком случае, стекло затуманилось.

Эмбер закусила губу и провела по сенсорной панели, еще увеличивая скорость. Мотор взвыл. Панель полыхнула красным: «Опасность перегрева внутреннего цилиндра». Это означало взрыв в любой момент, но Эмбер сейчас было плевать на все. Она неслась спасать дочь. Они почти поравнялись, когда флаер похитителей чуть накренился набок – и резко ушел вниз.

– Дьявол!

Эмбер вцепилась в панель управления и, ни о чем не думая, повторила маневр.

Возмущенно гудели вокруг другие водители. Замелькали огни полицейского патруля. Взвыла сирена.

Женщина же неотрывно смотрела на похитителей. Они ловко спикировали на грузовую платформу межмирового экспресса, после чего флаер начал затягиваться автоматическими шлюзами. Эмбер судорожно вздохнула. Это же какого уровня должен быть пилот, чтобы приземлиться на уже движущийся экспресс?

– Флаер красного цвета с номером 3765 ДОР, немедленно опуститесь на землю и дождитесь сотрудников полиции! Повторяю…

Из всего она уловила только слово «полиция». Скосила глаза на экран, отображавший камеру заднего вида. Неподалеку от нее покачивался, переливаясь сигнальными огнями, белый с черной полосой полицейский флаер. Экспресс еще не покинул их мир, и здесь полиция! Значит, можно задержать похитителей и не дать увезти дочь не пойми куда!

– Не делайте попытки скрыться… Повторяю…

Она послушно приземлилась, открыла дверцу, выпрыгнула.

– Господин офицер! – бросилась она к усатому патрульному, что вальяжно вылез ей навстречу из черно-белого аппарата. – Прошу, помогите! Я – Эмбер Дарра, мою дочь похитили. Надо задержать экспресс, что только что отправился с этой платформы. И…

– Документы, – равнодушно отозвался патрульный. Она остановилась, словно ее облили холодной водой.

– Вы не слышали меня? У меня украли дочь! И похитители…

– Документы, – он лениво вытянул вперед руку.

Растрепанная женщина в пижаме растерянно переводила взгляд с него на уходящий экспресс. Еще виднелся последний вагон и можно было успеть. Махнув на полицейского рукой, она попыталась сесть в свой флаер.

– Куда? – полицейский проворно перехватил нарушительницу, – А ну стоять!

– Да послушайте вы!.. – Разъяренная Эмбер попыталась вырваться, но ей тут же заломили руку за спину. – Вы что, не понимаете, там моя дочь!

– Эй, полегче, – усмехнулся держащий ее полицейский, склоняясь над лицом задержанной женщины, чтобы посмотреть зрачки. Уловив знакомый аромат, он демонстративно втянул воздух и насмешливо проговорил: – Джон! Да она пьяная. Вождение в пьяном виде… – заглянул во флаер Эмбер, где разноцветными огнями переливалась панель управления, и довольно кивнул. – В ручном режиме.

– Немедленно отпустите меня! – Не помня себя, Эмбер попыталась оттолкнуть его, вырваться и успеть за экспрессом, который через пятнадцать минут уйдет в червоточину, чтобы через несколько минут появиться в каком-нибудь из сорока шести обитаемых миров. Ее дочь увозили. А она… Госпожа Дарра, известный адвокат, ничего не могла сделать, потому что полиция, которая должна была ее защищать… выкручивала ей руки.

– Какая жаркая бабенка, – кивнул напарнику патрульный, защелкивая на запястьях наручники и затаскивая Эмбер в полицейский флаер.

Женщина сделала последнюю попытку вырваться и пнула полицейского по ноге.

– Вот ведь… – нецензурно выругался он. – Ладно, не хочешь по-хорошему! Майк, оформляй сопротивление.

– Если вам нужен будет адвокат… – бубнил его напарник традиционные при аресте слова…

– Да я сама адвокат!

– Ага. Конечно. Скажи еще, что ты – Эмбер Дарра, – рассмеялись они хором.

Глава 2

Эмбер металась по камере полицейского управления, как тигрица по клетке. Как злостную нарушительницу ее привезли прямо в Центральное управление, запихнули в ближайшую камеру и теперь занимались оформлением задержания. Это просто сводило с ума. Время все шло, а полиция, та самая полиция, которая должна была защищать, бездействовала.

– Да сядь ты, наконец! – рявкнул на нее в который раз полицейский, который заполнял в общем зале документы. – Кто придумал камеры ставить там же, где люди работают?!

– Это чтобы совесть у вас пробудить, – просипела, не открывая глаз, потасканная дама, что томилась в той же клетушке, что и Эмбер.

Вот она вообще никак не реагировала на действия соседки по камере.

– А ты замолчи! – обхватил голову молоденький полицейский.

– Слушайте, вы уже натворили дел на разжалование всего вашего департамента, я не говорю про это отделение полиции, – госпожа Дарра уже взяла себя в руки и говорила спокойно и размеренно, как и полагается.

– Все вы, богатенькие фифы, так поете! – усмехнулся тот полицейский, который задержал ее. – Думаешь, если мужик тебе за твою попку флаер подарил, так на нем можно пьяной и без документов? Еще и нарушив все правила полета в мегаполисе! Так что не думаю, что нам стоит чего-то бояться!

– Вам перечислить все статьи Конвенции о правах гражданина Альянса, которые вы сегодня нарушили? Не говоря уже о том, что нанесли мне непоправимый моральный ущерб! – Эмбер не надо было задумываться, слова находились сами, как и тон, который заставил стражей порядка настороженно переглянуться.

– Эй, мне тоже ущерб нанесли! – поддержала ее соседка по камере, ее выкрик свел на нет всю фразу Эмбер, вызвав улыбки у полицейских.

Прикусив губу, госпожа Дарра заметила, что остальные сотрудники прекратили работу и начали подходить ближе, чтобы не пропустить бесплатное шоу.

– И какие же именно статьи конвенции мы нарушили? – осведомился один из полицейских, остальные поддержали его смешками.

Эмбер вздохнула:

– Вы не провели процедуру удостоверения моей личности по ДНК, не отреагировали на мое заявление о совершенном преступлении, не дали мне совершить звонок при задержании. И…

– Мы в течение суток продержим вас в камере до выяснения обстоятельств. Установим вашу личность – ведь при вас нет документов. Ведь нет? А в ДНК-лаборатории у нас а-а-агромная очередь! – полицейский, тот самый, которого она пнула, зло усмехнулся. – А потом уже примем заявление. Если, конечно, вы, проспавшись, не поймете, что просто все придумали.

Эмбер застыла на месте. У нее было такое впечатление, что голова просто разорвется.

– Дайте мне позвонить. Пожалуйста. Я даже обещаю не преследовать вас лично.

– Преследовать меня – это преступление, чтобы вы знали, – зло усмехнулся парень. – В вашем случае может быть и с сексуальным подтекстом!

Эмбер скрипнула зубами и сосчитала до десяти, чтобы успокоиться и мыслить здраво. Странно, когда ей рассказывали о полицейском произволе, адвокат всегда считала, что это либо преувеличение, либо стечение неудачных обстоятельств. Кому в голову может прийти рисковать карьерой, да и свободой, в наш век контроля, камер и возможностей поминутно отследить, кто чем занимался?

Но сегодняшний день как-то перевернул все представления. Обо всем. Словно Эмбер оказалась в сорок седьмом мире, неоткрытом и абсурдном. Где были неизвестны правила пове-

дения и где ее просто не слышали. И где стражи порядка не желали исполнять свой долг. Никоим образом.

– Послушайте…

– Если ты не замолчишь сейчас же, я отправлю тебя в подвал. В карцер! – потерял терпение полицейский.

– Туда не надо. Там холодно, тесно и крысы, – снова прокомментировала соседка.

– Да поймите вы!..

– Все. Достала!

Он подошел к клетке, отворил ее, вытащил Эмбер наружу, заломив ей руки. Она не сопротивлялась, понимая бесполезность этого. Лишь с какой-то холодной отрешенностью запоминала эти ухмыляющиеся лица, чтобы потом отомстить. Каждому. Потому что они стояли и смотрели, как кто-то похитил ее дочь.

– Что здесь происходит?! – раздался от двери рев, в котором мало что было человеческого.

– Господин комиссар!

Парень выпустил Эмбер и вытянулся.

– Госпожа Дарра! – начальник полиции с изумлением смотрел на Эмбер. – Что произошло? Почему на вас наручники? И вы в таком виде?

– Спросите ваших людей, господин комиссар, – голос звучал устало, сил усмехаться или торжествовать уже не было. – А также как они произвели мой арест, который, кстати, записан на уличные камеры. Мне подать заявление министру юстиции или решим все в частном порядке?

– Арест? Вас а… арестовали? – начальник полиции побелел, рванул ворот форменного кителя. – Вы? Я… Мы… Это недоразумение…Пройдемте в мой кабинет? И снимите кто-нибудь с госпожи Дарры наручники!

Под испепеляющими взглядами начальства полицейские засуетились, точно муравьи в муравейнике. Они даже успели прошептать извинения, которые Эмбер пропустила мимо ушей.

Ей хватило сил пройти в кабинет комиссара и там упасть на стул.

– У меня похитили дочь! – Она вдруг поняла, что по щекам бегут слезы.

– Что? – не понял начальник полиции.

– Дочь. Мою дочь похитили. Алексия Дарра. Ее увезли на экспрессе.

– Куда?

– Не знаю. – Она обреченно прикрыла глаза, силясь вспомнить. – Экспресс отходил в девять тридцать. Я не успела посмотреть расписание.

– Вы уверены? – комиссар нахмурился, листая только что переданное дело со списком нарушений, затем взглянул на растрепанную, одетую в пижаму женщину, так резко отличавшуюся от холеного адвоката, которого он привык видеть. Розовые тапки-кролики на ногах покачивали плюшевыми ушами при каждом ее всхлипе.

Судя по отчаянию в зеленых глазах, госпожа Дарра не лгала.

– Я гналась за похитителями, но они приземлились на платформу.

– На платформу движущегося экспресса? – изумился комиссар.

– Да, – Эмбер устало прикрыла глаза, вновь переживая ужас происходящего, – а ваши люди вместо того, чтобы задержать экспресс, задержали меня.

Начальник нахмурился и нажал несколько кнопок на коммутаторе, бросил несколько резких фраз и снова повернулся к своей гостье:

– Я вызвал специалистов. И… вы желаете что-нибудь?

– Найдите мою дочь!

Комиссар вздохнул и набрал номер.

Ровно через час они были в центре наблюдения уличных камер. Мужчина в черном костюме и несвежей, когда-то белой рубашке, встретил Эмбер и комиссара полиции у входа и провел сквозь огромный зал со множеством вирт-экранов, на которых шла трансляция онлайн, в отдельный кабинет:

– Вот запись, – он развернул вирт-монитор с множеством кадров. – Все камеры в округе. Ваш дом и его окрестности просматриваются хорошо. Смотрите. Может быть, кого-нибудь узнаете.

Эмбер кивнула.

За этот час она успела изучить расписание и отметить восемь экспрессов, отправлявшихся в разных направлениях. Семь из них уже вынырнули из червоточин, пять прибыли к конечной станции, но девочки на них не было. Требований о выкупе тоже не поступало. Саму девочку отследить тоже не удалось: разбитый галафон нашли около дома, сразу возле выхода. Последний поезд все еще находился в пути. Его станцией назначения был Альвион.

Эмбер вздохнула и присела у экрана. Перед глазами шли кадры стандартной съемки камер наблюдения.

– Сможете сказать точное время? – спросил их провожатый. Она назвала.

Мужчина кивнул и набрал что-то на вирт-клавиатуре. Изображения на экране замелькали, а потом снова обрели былую плавность. Заметив Алекс, выскакивающую из дома, Эмбер подалась вперед.

Вот девочка отбежала и говорит по телефону, отчаянно жестикулирует, кусает губы. С замиранием сердца Эмбер смотрела, как дочь заканчивает разговор и… швыряет галафон в стену.

– Запись разговора… – госпожа Дарра повернулась к комиссару. – Надо запросить ее.

Начальник полиции кивнул и вышел, правда, почти сразу вернулся. Глядя на его мрачное лицо, госпожа Дарра моментально поняла ответ.

– Увы. Собеседник вашей дочери использовал дипломатический канал, звонки защищены шифрованием.

Еще через минуту, как будто выжидал в засаде, плавно опускается флаер.

– За рулем явно военный, – бормочет словно бы про себя розыскник.

Мужчину, который выскакивает с переднего сидения и распахивает дверь перед Алекс, Эмбер не знает. А вот тот, кого видно плохо, кто сидит сзади…

– Посмотрите, она идет сама. Добровольно.

У Эмбер закололо сердце. Поезд до Альвиона, интерес Алекс к учебным заведениям, дипломатический канал и военный за рулем флаера… Она уже знала имя похитителя, но все еще не хотела верить, что это случилось.

– А есть ли съемка с другого ракурса? Чтобы пассажир на заднем сиденье был виден?

– Вы его узнаете?

– Могу ошибиться, но…

Нет. Она не ошиблась. И, наверное, надо было сразу догадаться, когда Алекс накинулась на нее с упреками в том, что никогда не нужна была матери. Именно этот человек всегда приносил беду в ее жизнь и ставил все с ног на голову. Ненавистный альвионец. Высокомерный и бесчестный. Отец Алекс.

Глава 3

Эдвард Георг Стюарт фон Готтенберг, в простонародье его императорское величество Эдвард Пятый неспешно шел по длинному коридору, совершенно не обращая внимания на окружающую его роскошь. По правде сказать, Эдвард не любил этот огромный дворец, построенный в незапамятные времена и ныне именовавшийся его официальной резиденцией. Про себя император называл дворец не иначе как мавзолеем.

Сам по себе император предпочитал современную архитектуру и огромные окна, а не вот эти прямоугольники с мелким остеклением, дребезжащим при каждом порыве ветра. Но…традиции обязывали. Как и носить дурацкие мундиры с эполетами и высоким воротником-стойкой, норовившим впиться в шею.

Император с тоскливым раздражением взглянул на картины, висевшие на стене в тяжелых резных рамах. Портреты предков. В парадных костюмах и мантиях, они всегда сурово смотрели на своего отпрыска, словно осуждая его. Эдвард вдруг заметил, что позолота на дереве кое-где уже стерлась, придется отдавать на реставрацию, а это опять деньги. В прошлом году парламент отказался выделять дополнительные средства на содержание императорского дворца, предпочитая увеличить траты на выставки современного искусства.

Конечно, можно было наложить вето, но тогда эти слабовольные хлыщи, именующие себя либеральной оппозицией, поднимут вой. Начнут разоблачать транжирство императорской семьи, побеспокоят сестру, бабушку, вспомнят скандальные обстоятельства развода родителей и гибель отца Эдварда… на что там у них фантазии хватит?

Эдвард вздохнул и ногтем поддел позолоту одной из рам. Портрет короля Георга Седьмого. …Седой мужчина, нахмурив брови, неодобрительно смотрел на своего потомка.

Ладно. Пусть все так и остается. Надо министров провести по галерее. С экскурсией. Желательно в компании послов из других миров. Или подговорить один из реставрационных фондов – пусть лоббирует защиту предметов старины. Тратить же свои личные деньги на старые картины, которые нельзя было перевесить и которые поэтому постоянно выгорали на солнце, Эдварду не хотелось.

В который раз император вновь позавидовал одному из предков, тот отрекся от престола ради женщины, и тем самым обрек потомков младшего брата, включая и самого Эдварда, нести на себе бремя власти. Эдвард в очередной раз поймал себя на мысли, что бремя стало ярмом, вздохнул и вновь зашагал в свой кабинет.

– Ваше величество! – Лорд Тобиас Норрак, первый секретарь императора, вскочил и поклонился.

– Добрый день, сэр Тоби! – кивнул Эдвард, проходя в свой кабинет и садясь за огромный стол – очередное наследие предков. Дверь закрывать не стал, секретарь вошел следом и замер.

– Присаживайтесь.

– Благодарю.

Лорд Норрак еще раз поклонился, занял указанное место и выжидающе взглянул на монарха. Тот не торопился, внимательно рассматривая первого секретаря, доставшегося ему в наследство вместе с империей.

Шерстяной костюм, широкий галстук в полоску, седина на висках… Этакий образец имперской респектабельности.

В отличие от остальных должностей при дворе, чьи обязанности в основном церемониальны, личный секретарь его величества обязан был поддерживать связь монарха с кабинетом министров, отвечать за переписку с главами государств и консультировать императора о легитимности тех или иных действий. Последним сэр Тобиас Норрак пользовался вовсю.

Отправить его в отставку не представлялось возможным, он занимал должность еще при отце Эдварда. Восемь лет тому назад только взошедший на престол двадцатипятилетний император хотел сменить его на более молодого Перси, бывшего его соучеником по колледжу, но встретил решительный отпор со стороны всего кабинета министров и близких родственников. Традиции незыблемы, их нельзя нарушать.

Приходилось терпеть этого зануду, в профиль напоминавшего замороженного хека.

– Что у нас на сегодня? – Эдвард требовательно протянул руку за папкой, которую секретарь сжимал в руке. Тот покачал головой:

– Ваше величество, традиции требуют…

Эдвард хмуро посмотрел на него, с языка уже готовы были сорваться резкие слова, что император думает о треклятых традициях, но сдержался. Не стоит обострять и без того непростые отношения на ровном месте. Мысль о смене кабинета министров снова закралась в голову.

– Хорошо, читайте, – бросил император, вставая и отходя к окну. Секретарь тоже встал, на весу открыл папку и начал зачитывать хорошо поставленным голосом с абсолютно правильным произношением:

– Согласно расписанию, у вас назначены три аудиенции с послами других миров: в полдень, в три часа и в пять. Вопросы стандартные: межмировое сотрудничество, государственные пошлины и льготы при торговле. Я уже составил список уступок и согласовал с кабинетом министров.

– Уступок? Надеюсь, они взаимовыгодны? – Эдвард не мог упустить возможность поддеть верного слугу императора.

– Разумеется, – Тоби поклонился, умудряясь при этом держать спину абсолютно прямо. – Кабинет министров одобрил все до единой.

– Значит они ничтожны. Положите проекты договоров мне на стол. До аудиенций, – последние слова император произнес очень весомо. Секретарь нахмурился:

– Ваше величество…

– Осмеливаетесь мне возражать? – Эдвард приподнял брови.

– Нет.

– Прекрасно. – Он снова отвернулся и заложил руки за спину, рассматривая изумрудно-зеленый газон и площадку для посадки флаеров. – Что дальше?

– Далее вечером вам предстоит посетить благотворительное мероприятие.

Пользуясь тем, что сэр Тоби не видит, Эдвард поморщился: опять не удастся посмотреть прямую трансляцию футбольного матча, а между прочим, это последний отборочный тур на межмировой чемпионат, проводимый раз в четыре года.

– Что за мероприятие?

– Выставка современного искусства, ваше величество.

– Но…

– Участники – художники из разных миров. Ваш отказ открыть выставку может быть расценен как прямое оскорбление и нежелание поддерживать таланты.

Император тихо вздохнул:

– Хорошо. Продолжайте.

– После открытия выставки вы ужинаете с ее высочеством принцессой Фелицией и ее мужем.

– Неужели?

Фелиция была его сестрой. Родившись на год раньше брата, принцесса являла собой образец сдержанной элегантности, преданности традициям, в общем, всего того, что Эдвард считал занудством.

– Перенесите встречу, – распорядился император.

– Третий раз? – секретарь выразительно приподнял брови.

Эдвард закатил глаза, уже представляя, как его сестра, угораздило же ее первой появиться на этот свет, будет хорошо поставленным голосом с абсолютно правильным произношением излагать непреложные истины и требовать от брата ответа, точно в детстве.

– Ладно, оставьте. Только не забудьте предупредить ее высочество, что у меня плохое настроение!

– Ваше величество…

– Сэр Тоби, я не намерен сегодня выслушивать нотации о женитьбе и детях, а моя сестра только и делает, что говорит об этом!

– Ваше величество, принцесса Фелиция, как и все мы, ваши верноподданные, обеспокоена, что у вас до сих пор нет наследника, поэтому ее поведение вполне оправданно, – с укором заметил секретарь. Император обернулся:

– Мне кажется, Тоби, или вы меня упрекаете?

Ему доставило удовольствие видеть, как этот холеный мужчина нервно сглотнул и слегка помедлил, прежде чем ответить:

– Ни в коем случае, ваше величество!

Эдвард привычно сжал губы, скрывая улыбку. Все-таки его боятся. Он уже не тот растерянный и ошеломленный случившимся мальчишка, каким был десять лет назад. Признаться, это было приятно.

– Хорошо, – кивнул император. – Что-нибудь еще?

– На этом все, ваше величество. Позволите идти?

– Идите и не забудьте про проекты договоров.

Лорд Норрак едва заметно прищурился, но возражать не посмел. Дождавшись, пока секретарь выйдет, Эдвард вернулся за стол и потянулся к красной коробке, где по традиции (будь она неладна) лежали документы, требующие личного ознакомления императора.

Как правило, ничего не значащие, поэтому параллельно с их изучением можно было прослушать краткую сводку того, что происходит в мире.

– Селл, международные новости! – скомандовал Эдвард. В комнате возникла голограмма.

Темноволосая девушка с пухлыми губами и весьма пышными формами, едва прикрытыми кусочками золотистой парчи – программная разработка лучшего друга, Джона Уайта, который теперь руководил центром испытаний военно-космических пилотников – еще одна давняя мечта императора, встречавшая ожесточенное сопротивление кабинета министров, особенно министра юстиции.

Раньше Эдвард использовал Селл лишь для того, чтобы позлить чопорного секретаря, а потом просто привык, как привыкают к дурацкой, но такой мягкой и уютной футболке. К тому же искусственный интеллект обладал определенным чувством юмора и ни в грош не ставил ни самого императора, ни его министров.

– Милый, боюсь, не могу тебя порадовать, – промурлыкала голограмма.

– Что, все так плохо? – Эдвард знал, что разговаривает с программой, но все равно не мог отказать себе в удовольствии пообщаться.

– Откуда я знаю? – Девушка присела на край стола и пожала округлыми плечами.

– Что? – нахмурился он.

– Милый, боюсь, я не смогу помочь, если ты не перефразируешь вопрос…

– Почему ты не можешь сообщить мне новости? – жестко спросил он.

Голограмма зарябила:

– Отказ доступа выхода на межмировую сеть. – Голос зазвучал механически.

Эдвард нажал кнопку селектора на сенсорной поверхности стола.

– Сэр Тоби, зайдите, – коротко бросил он.

Селл снова стала видимой. Разлеглась на столе, болтая ногами в воздухе:

– Мне исчезнуть, милый?

– Останься! – Эдвард постучал пальцами по столу, ожидая, когда секретарь войдет.

– Как прикажет мой повелитель.

Скрип двери, звуки шагов, скрадываемые пушистым ковром.

Лишь тогда император поднял злой взгляд на личного секретаря. И остолбенел. Глаза у лорда Норрака бегали. Какой там замороженный хек? Да первый секретарь императора был просто сгустком эмоций. Эдвард прищурился, пристально изучая того, кто уже который год пытался ограничить императора в его проектах.

Еще несколько минут молчания. Император вдруг некстати вспомнил детскую игру в гляделки. Совсем маленьким он проигрывал Фелиции, потом, став чуть старше, научился выигрывать. И выигрывал до сих пор.

От Эдварда не укрылось, что у секретаря побежала по виску капелька пота. Но все равно секретарь героически делал вид, что ничего не происходит. И он решительно не понимает, почему его вызвали.

– Итак, милорд…

– Ваше величество?

– Я жду объяснений, – небрежный кивок в сторону улыбающейся голограммы, которая сразу же помахала рукой первому секретарю.

– Э… полагаю, произошел сбой системы… наши специалисты работают над этим…

– Даже так… – фыркнул Эдвард, доставая из ящика стола допотопный планшет, принадлежащий еще деду. – Знаете, иногда я начинаю думать, что вокруг меня одни предатели и диверсанты. Не подскажете, отчего вдруг такие мысли?

Планшет работал от независимых линий связи и не был привязан к дворцовой системе информационных сетей. Сэр Тоби побледнел еще больше и невольно дернул узел галстука. Император усмехнулся и со злорадством нажал кнопку, включая старинный гаджет. Вновь бросил взгляд на секретаря.

– Что же там такое, о чем мне не следует знать?

– Ваше величество! – простонал сэр Тоби.

– И кто просил вас попытаться обмануть меня?

Император не повышал тон. Нет. Он был обманчиво спокоен. И говорил чуть тише, чем обычно. Сэр Тоби хорошо его знал – и понял, что ему подобного не простят. Он проклял тот миг, когда решился поддаться на просьбы премьер-министра.

Эдвард вновь побарабанил пальцами по столу.

– Похоже, вы забыли, кому восемь лет назад вы давали присягу. Как там… «верно и преданно служить»?

– Но…

– Можете идти. И мой вам совет, *немедленно* включите доступ к сетям для Селл! Можете даже сами. У вас ровно пять минут.

– Ваше величество! – в голосе секретаря послышался скрытый упрек, но Эдвард сделал вид, что не услышал.

Он придвинул к себе красную папку, достал бумаги.

Первым в папке лежал проект бюджета на следующий год. Император лениво пробежался по строкам. Урезание космических исследований и рост дотаций на межмировые экспрессы не улучшили и без того скверное настроение императора. И это уже было согласовано с кабинетом министров.

Достаточно быстро покончив с финансами, а попросту перечеркнув злополучный документ и написав наискось «не одобряю», Эдвард принялся за доклады, а потом перешел к проектам договоров, присланных сэром Тоби по галасети. После перечеркнутого бюджета казалось, что все они направлены на поддержку межмирового экспресса. Ни один не затрагивал сотрудничество в каких-либо других сферах.

Эдвард откинулся на спинку кресла и задумчиво побарабанил пальцами по столешнице, гадая, заговор это или же простая халатность.

Практически все министры были ставленниками его отца: они учились вместе с ним либо в школе, либо в колледже, а потом скорбели на его похоронах и клялись в поддержке растерянному наследнику, так неожиданно в одночасье ставшему правителем огромной империи.

Император отложил документы и невидящим взглядом посмотрел на стену, вызывая в памяти сгладившийся с годами образ отца. В основном здесь, в кабинете. Чуть реже – за обеденным столом, почти всегда в мундире, иногда во фраке или в смокинге, если вечерние мероприятия не были официальными.

Даже когда они развелись с матерью Эдварда, о, какой был скандал, отец остался неизменен своим привычкам.

Все та же работа с документами, встречи с послами, государственными деятелями… на семью времени не оставалось. Когда-то Эдвард злился на это. Сейчас… сейчас он многое понял, но было уже поздно.

«Нелепая случайность», – так, кажется, писали газеты, когда флаер отца, который не справился с управлением, врезался в одну из опор платформы межгалактического экспресса. Никто не выжил. Эдвард узнал об этом, находясь в официальном турне по колониям, куда отец отправил его после очередного неудачного романа, закончившегося скандалом.

Один из новостных каналов опубликовал достаточно компрометирующие фото наследного принца с замужней дамой. Бывшая модель и эскортница, она удачно вышла замуж за восьмидесятилетнего миллионера и с удовольствием закрутила роман с наследником престола. Эдвард подозревал, что и снимки она сделала сама, желая обрести былую популярность. Новость моментально подхватили остальные. Скандал был грандиозный. «Подрыв устоев, нарушение семейных ценностей…» – это самая малость того, в чем обвиняли императорскую семью. Припомнили и некрасивые подробности развода родителей: откровения матери, романы отца…

Наследник моментально был призван во дворец, та встреча с отцом закончилась некрасивой ссорой, помириться они не успели…

Эдвард отшвырнул опостылевшие документы и прошелся по кабинету. А ведь даже тогда, уезжая в дипломатическое турне-ссылку, он не понимал, насколько занят отец. Обижался, как мальчишка, что у того не хватало времени на семью, считал, что именно отец сделал так, чтобы мама, не выдержав, ушла от них… Впрочем, он и был тогда мальчишкой, считающим, что вселенная лежит у его ног.

Император сверился с атомными часами, стоявшими на каминной полке. Старинный корпус из бронзы скрывал в себе суперсовременное наполнение. Эдвард задумчиво постучал пальцем по голове нимфы, склонившейся над циферблатом.

До первой аудиенции оставалось еще пятнадцать минут, а значит, он еще успеет прочитать несколько документов и даже набросать черновики ответов и отдать секретарю, чтобы тот переписал начисто. Правда, потом надо проверить, насколько хорошо сэр Тоби уловил его мысль. Секретарь начинал раздражать своей закостенелостью, но альтернативы ему не было. Пока.

– Милый, я снова в деле, – Селл вновь призывно изогнулась. – Хочешь пошалить?

– Новости на экран. – Император откинулся на спинку кресла, смотря на стену, на которой замелькали кадры из новостных сайтов.

В отличие от многих других, Эдвард любил изучать новостные порталы других стран. Это отнимало больше времени, зато наиболее качественно давало представление о том, что вообще происходит во всех мирах.

Первые же заголовки заставили его присвистнуть.

Через час, отменив все запланированные на день мероприятия и вызвав к себе министра юстиции для доклада, император уже не был уверен, что не хочет распустить правительство и потребовать от секретаря уйти в отставку. Потому что не зря все решили скрыть от него утренние новости.

– Как. Прикажете. Это. Понимать?

Голос императора был спокойный. До того спокойный, что невысокий лысеющий министр взглянул на огромный виртуальный экран и невольно сглотнул.

– Ваше величество…

– Вы утверждали, что у вас все под контролем, милорд!

– Да, но…

Эдвард махнул рукой, обрывая его на полуслове.

– Селл, лорда Норрака сюда! Немедленно!

Секретарь возник в дверях. За ним маячила еще одна знакомая фигура. Премьер-министр. Сухой, поджарый, весьма энергичный старик, он всегда норовил дать совет молодому императору, даже не интересуясь, нуждается ли тот в этом.

– Лорд Стенхоуп, присоединяйтесь! – приказал Эдвард, испытывая какое-то мрачное удовлетворение от того, что все эти люди сейчас боятся его. Главное – не доставлять им удовольствие и не выходить из себя.

Он закрыл глаза и сосчитал до десяти, пытаясь успокоиться, вновь посмотрел на стоящих перед ним мужчин. В дорогих костюмах, с тщательно повязанными галстуками, сколько раз они играли в свои закулисные игры, не давая молодому императору действовать самостоятельно. Доигрались.

– Итак, милорды, я предлагал вам пустить дело о похищении ребенка отцом на самотек, и пусть родители договаривались бы сами, но вы настаивали на участии Альвиона как третьей стороны, уверяли, что это – выигрышное дело и что у вас все под контролем! – взмах руки на экран, где мелькали кадры убийственных заголовков. – Что все под контролем? Что нам ничего не грозит? В результате – мы проигрываем, с нами вот-вот разорвут договоренности, подписанные на Межпарламентской Ассамблее, и с нас еще требуют выплаты в качестве компенсации! Как это понимать, господа?

– Мы не… – Министр юстиции достал платок и промокнул пот, выступивший на лбу. – Ваше величество, наши адвокаты подготавливают апелляцию по данному вопросу! Уверяю вас, это весьма компетентные люди!

– Один из которых – ваш сын, второй – племянник премьер-министра? Кажется, перед заседанием ваших «весьма компетентных людей» видели на закрытой вечеринке по случаю мальчишника герцога Карлайла? Когда все они, напившись, голыми прыгали в бассейн за стриптизершами? – император усмехнулся. – И вот результат: «Альвион способствует похищению детей»! «Возмездие настигло империю зла»! Эти новости на первом месте в тридцати трех мирах! Тридцати трех! Кто еще может похвастаться таким успехом, господа?

В кабинете повисло тяжелое молчание. Слегка успокоившись, Эдвард откинулся на спинку стула:

– Кто представлял интересы матери?

– Адвокат Эмбер Дарра, – министр юстиции открыл папку, чтобы свериться. – Мы не думали, что она возьмется за это дело.

– Вы вообще не думали, – оборвал его император. – В результате страна вынуждена платить за развлечения вашего сына, а меня обвиняют в том, что я ворую детей у бедных матерей, как какой-то монстр! Даже наши либеральные каналы подняли вой, и это накануне Дня юных Гарантов мира! Вы хоть отдаете себе отчет, что это все может вызвать волну недовольства среди народа? Вам не хватает митингов и пикетов? Вы желаете революции?

Эдвард снова взглянул на пресловутую троицу. Министр юстиции безуспешно пытался унять дрожь в руках, премьер невольно ослабил узел галстука. Лишь сэр Тоби стоял навытяжку. Его лицо вновь напоминало замороженного хека.

Император в раздражении хлопнул ладонью по столу, попал на панель. Заголовок на стене исчез, сменившись изображением блондинки в сером костюме. Адвокат Эмбер Дарра. Хрупкая и изящная. Репортеры поймали момент, когда она выходила из здания суда. Гордо поднятая голова, торжествующая улыбка, а вот в изумрудно-зеленых глазах застыло что-то… точно осколки льда. Не женщина, а Снежная королева.

Эдвард внимательно всматривался в изображение, словно это могло помочь разрешить конфликт. Эмбер Дарра так часто выступала в судах против Альвиона, словно у нее были личные счеты. Причем со всей страной.

– Что у нее на руке? – вдруг спросил император, заставляя присутствующих вздрогнуть.

Сэр Тоби бросил быстрый взгляд на изображение:

– Часы, ваше величество.

– Они ей не подходят.

– Прикажете заменить? – выпалил секретарь и осекся, понимая глупость своего предложения.

Эдвард приподнял бровь.

– А вы сможете? – ехидно поинтересовался он.

– Ваше величество!

– Ясно. Не можете. Как и не можете выиграть ни один процесс, когда нам противостоит эта, как там ее – император щелкнул пальцами, вспоминая прозвище, которое называли репортеры. – Госпожа Нет?

Премьер бросил убийственный взгляд на министра юстиции, лорд Боллинброк только вздохнул.

– Вы же лично уверяли меня, что шумихи не будет, обе стороны пойдут на сделку, – продолжал император. – Что вы использовали давление на мать ребенка…

– Так и было, пока не вмешалась госпожа… Дарра.

– И ваши люди потеряли контроль над ситуацией?

– Да, – министр юстиции опустил голову.

– А потом вы решили скрыть этот факт от меня. Поздравляю, вам это удалось, только в дураках остались мы все.

Лорд Стенхоуп попытался возразить, но Эдвард взмахом руки остановил его. К чему все эти экивоки, если они проиграли. Опять проиграли этой хрупкой блондинке.

– Убирайтесь, – процедил император. – Все вон!

Никто не посмел оспорить волю монарха. Выждав, пока дверь за министрами закроется, Эдвард закрыл лицо руками и шумно выдохнул, пытаясь понять, что делать дальше.

Вечером он уныло рассматривал себя в зеркало. Золоченая резная рама придавала его образу окончательное сходство с портретами предков, висевшими повсюду во дворце.

Парадная униформа полковника летной гвардии красного цвета с золотыми пуговицами и эполетами, золотые шпоры, зло позвякивавшие при каждом шаге, треуголка, окаймленная белыми перьями. Ну не шут ли! Ряженый паяц, которого в очередной раз обвели вокруг пальца. А ведь ему, между прочим, уже тридцать три!

– Ваше величество, – окликнул императора камердинер, почтительно протягивая голубую орденскую ленту.

Император покорно стоял, пока ленту продевали через плечо и скрепляли концы на боку. Еще один хмурый взгляд в зеркало, и, одернув мундир, Эдвард покинул комнату.

Бряцая шпорами, он сбежал по лестнице и вышел во двор, где его ждал флаер. Раньше, когда в ходу были автомобили – неповоротливые железные машины, ездящие лишь по земле, –

они подъезжали прямо ко входу, но флаер был много больше и попросту застрял бы между колоннами портика.

Эдвард сухо кивнул пилоту, стоявшему навытяжку у трапа, поднялся по ступеням в салон и сел на мягкий диван. Два охранника последовали за ним, но заняли специальные сиденья у дверей.

– Ваше величество, мы готовы к взлету, – отрапортовал пилот.

– Хорошо. – Император включил специальное энергетическое поле, защищающее пассажира от травм в случае аварии, и откинулся на спинку.

После сегодняшнего дня очень хотелось выпить коньяка, но впереди была утомительная церемония открытия, и необходимо было оставаться трезвым. Сестра, впрочем, тоже не жаловала выпивку и наверняка почувствовала бы запах алкоголя, а это вылилось бы в очередную нотацию, чего Эдварду, рассчитывающему на короткий родственный визит, не хотелось.

Полет был недолгим, и вскоре император, водрузив на голову треуголку, которая натирала лоб, под приветственные крики толпы выходил из флаера.

Губы автоматически изогнулись в улыбке. Шагнув на лестницу, Эдвард поднял вверх руку, приветствуя ликующую толпу. Правда, среди выкриков он уловил и несколько недовольных голосов. Что ж, в империи были и недовольные его правлением. А уж после сегодняшней шумихи в прессе сторонников свержения монархии могло и прибавиться.

– Ваше величество! – Граф Фитсуильямс, невысокий тучный мужчина, занимавший пост министра культуры и искусства, подошел к трапу и почтительно поклонился. – Вы, как всегда, вовремя.

– Разумеется. – Эдвард пожал ему руку. – Надеюсь, сюрпризов не будет?

– Ну что вы! Прошу вас! – еще один короткий поклон.

По красной ковровой дорожке, постеленной специально для высоких гостей, Эдвард направился к входу в музей, где его уже ожидали остальные. Сегодня свиту составляли представители культуры. Чуть в стороне стояли художники – авторы экспозиций. Они с любопытством и неким благоговением посматривали на монарха, многие впервые видели его так близко и не скрывали любопытства. Эти взгляды слегка примирили с сегодняшним днем.

Император быстро поднялся по ступеням и прошел к транслятору. Два огромных экрана, установленные по бокам от входа, показали его лицо крупным планом. Эдвард достал лист бумаги с заранее написанной сэром Тоби речью.

Сухие, стандартные слова о развитии искусства, аплодисменты; девушка, поднесшая золотые ножницы императору, соблазнительно взмахнула ресницами и слегка прогнулась, выпячивая вперед достаточно аппетитные формы. Движение напомнило Эдварду о Селл. Голограмма тоже всегда выгибалась именно так. Наверное, стоит попросить Джона перепрограммировать.

Император автоматически перерезал ленточку, вошел в музей и замер. За спиной раздались ахи, кто-то даже присвистнул, а репортеры выставили вперед свои гаджеты, запечатлевая выражение лица монарха.

Величественный зал, стены которого были облицованы розовым мрамором, а своды поддерживались сорока колоннами, сейчас представлял собой хаос: между колонн было развешено на веревках нижнее белье, вперемешку мужское и женское. На полу, на мозаике из разноцветного гранита, оникса и яшмы, были раскиданы пакеты с мусором, в одном из углов стоял непонятный киоск, из которого торчал старинный динамик. Века эдак двадцатого навскидку. Из него транслировались какие-то речи, чуть позже Эдвард понял, что это – рецепты нетрадиционной медицины.

Посередине стоял стол, на котором лежал муляж человеческого тела, обрубленного по пояс. Вокруг на белой простыне с красными пятнами были раскиданы органы.

Прекрасно понимая, что сейчас все камеры нацелены на него, а стоящие вокруг люди ждут реакции, император глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться.

– Граф Фитсуильямс, – негромкий голос в абсолютной тишине прозвучал очень резко.

– В…ваше величество? – тот подошел, судорожно промокая пот, выступивший на лбу.

– Как министр культуры, – слова прозвучали с издевкой, – будьте добры объяснить мне смысл этой выставки.

– Ва-аше величество… это… это…

Один из молодых людей, сопровождавших министра, чуть выступил вперед:

– Ваше величество, это – коллаборация, часть современного искусства, когда современные художники объединяются, чтобы создать единый арт-проект.

– Понятно. – Император неспешно прошелся по залу, разглядывая экспонаты: мертвых забальзамированных птенцов, спрятанных в спичечные коробки, овцу в формалине, надпись на аквариуме, которая гласила, что животное отбилось от стада, всевозможные унитазы, украшенные цветами, консервные банки, в которых росла трава.

Особое внимание император уделил одной из стен, где были наклеены имена мужчин. Инсталляция называлась «Мужчины, с которыми я была близка». Рядом стоял небольшой экран, на котором транслировались кадры сексуальных сцен. Судя по всему, художница в качестве доказательства пустила видеоряд.

– Весьма интересная, как вы там сказали… коллаборация? – хмыкнул император, почти весело глядя на министра культуры. – Как я понимаю, дети тоже могут посетить выставку?

– Ваше величество…

– Оставьте. Думаю, для сегодняшнего вечера я видел достаточно. Всего вам доброго!

– Но ваше величество, у вас же было еще запланировано общение с художниками! – пролепетал кто-то из свиты. – И вы не попробовали торт, вернее, инсталляцию с телом…

– К сожалению, вынужден отказать себе в таком… удовольствии. – На экране кто-то протяжно застонал, император усмехнулся. – Граф Фитсуильямс, поручаю вам попробовать торт за меня, завтра в девять утра расскажете мне о нем в моем кабинете. Счастливо оставаться!

Под вспышками фотокамер Эдвард направился к выходу.

Глава 4

Тук… тук… тук… стук собственных каблуков по мраморному полу гулко отдавался в совершенно пустой голове самого известного адвоката по межмировому праву. Мыслей не было. Не было ничего, кроме одуряющей усталости от бессонной ночи, проведенной в пустой квартире. Ее дочь сбежала, и Эмбер не знала, что ей делать. Впервые в жизни действительно не знала.

Даже тогда, когда отец Алекс ушел, оставив жену с грудной дочерью, даже после того, когда самой Эмбер, девятнадцатилетней девчонке, предъявляли обвинения в предумышленном банкротстве фирмы, которой она владела вместе с мужем, и требовали возврата нескольких миллиардов, ссылаясь на ее подпись, умело подделанную все тем же когда-то любимым отцом дочери, Эмбер знала, как поступить. Стиснув зубы, она шла вперед, сражаясь до последнего, но сейчас…

– Поймите, – с сочувствием говорил ей шеф полиции, лично подвозя Госпожу Нет до дома, – ведь девочка сама добровольно села во флаер. Более того, в пассажире флаера вы опознали ее отца.

– Она несовершеннолетняя!

– По законам империи Альвион…

– Вы будете мне рассказывать об их законах?

– Простите… тогда вы прекрасно понимаете, что мы ничего не можем сделать. Может быть, она просто проведет там время и вернется…

– Вы сами в это верите?

Начальник полиции отвел взгляд, делая вид, что старательно следит за приборами на панели управления.

Понимая, что не выдержит причитаний госпожи Львофф, Эмбер заранее отослала ей короткое сообщение, поэтому в квартире ее встретила абсолютная тишина. «Благословенная тишина», – подумалось ей, после чего Эмбер, прислонившись спиной к двери, сползла на пол и разрыдалась.

Заснула она лишь под утро, полная решимости во что бы то ни стало вернуть дочь.

Поэтому она здесь. Тук… тук…тук… скрип двери. Вежливая улыбка ослепительно красивой брюнетки. В министерство личные секретари проходят очень строгий отбор.

– Госпожа Дарра? – вежливая форма приветствия, кивок на дверь. – Проходите, господин министр ждет вас!

– Спасибо.

Она вошла в кабинет, где за огромным столом сидел высокий, очень красивый темноволосый мужчина. Эшли Говард. Человек, который много лет назад смог снять с нее все обвинения, предложил работу и помог оплатить обучение на юридическом. Надежный друг, с которым не надо было лицемерить. Красивый, богатый и, как и она сама, безумно одинокий…

Эмбер помнила его еще без седины на висках. При виде входящей женщины он приподнялся:

– Здравствуй, Эм.

– Здравствуй, Эш. – Она села, даже не дожидаясь приглашения, и внимательно посмотрела в его серые глаза. – Тебе уже рассказали?

– Доложили, – он внимательно посмотрел на Эмбер. – Как ты понимаешь, дело достаточно… щекотливое. Отец Алекс – не последний человек в империи. Знатный род, деньги, связи…

– Если ты помнишь, я была за ним замужем.

– Да. И это еще больше осложняет дело.

– Понимаю, – кивнула Эмбер, не сводя с друга пристального взгляда. – И ты понимаешь это, как никто другой, верно?

– Верно.

Молчание. Эмбер не выдержала первой.

– Эшли, мы с тобой решали и не такие дела!

– Да, но политическая обстановка…

– К черту ее! Речь идет о моей дочери!

– Эмбер, прошу, успокойся и выслушай!

Она глубоко вздохнула:

– Я спокойна.

Эшли скривился и бросил на нее еще один испытывающий взгляд:

– Именно потому что речь идет об Алекс, я не уверен, что ты не поддашься эмоциям и не наломаешь дров…

– Эшли! – гневно воскликнула Эмбер и тут же горько усмехнулась: – Да, ты прав, но если я не справлюсь, то никто не справится. Или…

Женщина с надеждой устремила взгляд на друга, когда-то буквально спасшего ее:

– Ты займешься этим лично?

– Нет, я не возьмусь за это дело, – министр слегка виновато покачал головой. – Я слишком давно не практикую…

– К тому же ты не хочешь быть втянут в международный конфликт.

Эшли смущенно кивнул:

– Да, я подумываю баллотироваться в президенты на следующих выборах, и этот скандал… он может помешать.

– Тогда у нас просто нет выбора, Эш. Как мать я имею право требовать вернуть мне дочь, независимо от политических курсов.

– Тогда зачем тебе я?

– Меня не пустят в Альвион, если ты не подпишешь мое назначение как представителя Альянса.

– Тогда мне придется выставить ноту протеста. Не уверен, что это будет способствовать моей популярности среди электората.

– Бездействие будет расценено как капитуляция и страх перед могущественным соседом. Так что, Эшли, как ни крути… – Эмбер выразительно замолчала, а потом тихо добавила: – Поверь, я справлюсь.

– Ты уверена?

– Эшли, это моя дочь! Я должна вернуть ее!

– Хорошо, – он кивнул и достал из папки заранее подготовленные документы. Подписал и положил обратно. – Дипломатический статус на тебя уже заявлен. Иначе тебя просто не пустят в империю, слишком уж ты прижала им хвост.

– Хорошо, – Эмбер поднялась, – спасибо, Эшли.

– Не подведи меня, – попросил он, как когда-то, когда она работала под его руководством.

Адвокат Эмбер Дарра вымученно улыбнулась, кивнула и вышла.

Глава 5

Дворец, в котором жила Фелиция, находился в двух милях от музея. В другое время Эдвард бы с удовольствием прошелся пешком, но сейчас, в парадном мундире, он привлек бы слишком много ненужного внимания. К тому же во флаере был бар, а в баре стояла вожделенная бутылка с коньяком. После выставки просто необходимо было выпить, и плевать на нотации сестры, которые в любом случае будут.

Император торопливо плеснул в бокал янтарной жидкости. Вопреки этикету сделал большой глоток и буквально ощутил, как напряжение отпускает его.

Эдвард отшвырнул треуголку, тяжело опустился на диван, расстегнул верхние пуговицы мундира и махнул рукой пилоту, разрешая взлет. Тепло от алкоголя приятно разливалось по телу.

Утробно урча, флаер поднялся в воздух с тем, чтобы через три минуты приземлиться перед парадным входом Керрингтонского дворца.

Некогда небольшой двухэтажный коттедж, много веков тому назад купленный одним из предков Эдварда как загородных охотничий домик, долгое время служил официальной резиденцией нескольким боковым ветвям семьи. Из-за большого количества хозяев само здание много раз перестраивалось, пока вновь не вернулась в собственность императорской семьи.

После дворец реконструировали, на этот раз в едином стиле: прямоугольное здание из красного кирпича с покатой серой крышей, и окнами с мелким остеклением, всегда напоминавшим Эдварду окна в тюрьме.

Он не любил бывать там, а вот Фелиции этот дворец с его множеством коридоров и галерей всегда нравился. После свадьбы сестра упросила отца выделить Керрингтон ей как основную резиденцию. Став императором, Эдвард предпочел не менять это положение дел, к тому же оно всех полностью устраивало.

– Ваше величество, мы прибыли, – вежливо заметил один из охранников.

Император с сожалением отставил недопитый бокал и поднялся. Застегивать мундир не стал – ужин был заявлен как неофициальный.

За оградой раздались приветственные возгласы – флаер императора заметили, и около золоченых ворот начали собираться зеваки. Эдвард повернулся, махнул им рукой, как его учили еще в детстве: кисть не выше плеча, легкий разворот запястья на себя, дождался ответный приветствий толпы и вошел во дворец.

– Ваше величество, – красивая темноволосая женщина, так напоминавшая ему мать, присела в реверансе. Ее муж, герцог Джаспер Йоркский, почтительно поклонился.

– Добрый вечер. – Эдвард подошел к сестре и, дождавшись, пока она выпрямится, поцеловал ее в щеку.

– Эдвард! – с укором прошипела Фелиция, скашивая глаза в сторону слуг. – И что за вид?

– Тебе тоже не нравится эта дурацкая традиция надевать мундир на все официальные мероприятия? – скучающим тоном заметил Эдвард, протягивая сестре руку, чтобы вести в столовую.

Поскольку по настоянию императора ужинали втроем, Джаспер замыкал шествие в одиночестве.

– Ты прекрасно знаешь, что говорю про расстегнутые пуговицы на мундире! – заметила сестра. – Это по меньшей мере неприлично!

– Лил, где твои манеры? – наигранно ужаснулся император, намеренно называя сестру детским именем, ее это раздражало. – Неприлично было заметить то, что пуговицы моего мундира расстегнуты.

Джаспер тихо хмыкнул, Эдвард давно подозревал, что его зять получает удовольствие от этих пикировок, которые Фелиция почти всегда проигрывала.

Огромный стол был накрыт на три персоны. Фамильные тарелки с гербом Йоркских, хрусталь, начищенные до блеска серебряные приборы… После тяжелого дня от всего этого в глазах рябило. Эдвард с тоской подумал, что всему этому он предпочел бы уютный диван, пиво с чипсами и созерцание игры любимой футбольной команды. Но вместо этого он должен был ужинать фаршированным фазаном и слушать нотации.

– Ваше величество. – Один из лакеев отодвинул стул во главе стола, но император покачал головой:

– Джаспер, думаю, никто из нас не будет возражать, если мы уступим пальму первенства даме? – поинтересовался он у зятя и, не дожидаясь ответа, присел на ближайший стул. Джаспер выждал, пока его жена, недовольно поджимая губы, займет место во главе стола, и сам сел так, чтобы оказаться напротив шурина.

– Надеюсь, фазан, или что у вас там сегодня, не скроет нас друг от друга? – пошутил он, разглаживая льняную салфетку и кладя ее на колени.

– Мне сказали, что будут перепелки, – невозмутимо отозвалась Фелиция. – Но, если ты настаиваешь, могу отправить кого-нибудь в ресторан за фазаном.

– И заставить Эдварда ждать? Фазан не стоит гнева императора.

– Как пожелаешь.

Эдварду вдруг подумалось, что сестра была бы гораздо лучшей главой страны, чем он сам. Во всяком случае, ей нравилось быть в центре внимания и отдавать приказы.

– Как прошло открытие выставки? – вежливо поинтересовалась Фелиция, пока слуги подавали еду.

Ее невинный вопрос вызвал в памяти Эдварда торт, который он, к счастью, так и не попробовал.

– Феерически. – Император отложил приборы, слегка откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел на сестру. – Ты в курсе, о чем она?

– Ну… Сэр Тоби говорил, что это – современное искусство, а ты же знаешь, что я в нем не сильна. – В свое время Фелиция получила степень по биологии, но после свадьбы оставила работу, посвятив себя мужу.

Детей у них с Джапером не было. Это был еще один камень преткновения в отношениях сестры и брата: Фелиция не хотела рожать ребенка, пока у Эдварда не появится наследник.

– Тогда ты еще не в курсе, что это ужасно! – усмехнулся император и вкратце пересказал увиденное, опустив подробности про торт в виде половины человеческого тела, чтобы не портить аппетит никому из присутствующих. Ответом ему было потрясенное молчание. Фелиция судорожно сжимала в руке столовый нож, словно желала кому-нибудь перерезать горло, Джаспер старательно промокал губы салфеткой. Его плечи подрагивали от тщательно сдерживаемого смеха.

– Бедный Нед, – наконец сказал он, перейдя на неофициальное общение. – Надеюсь, ты не начал ругаться прямо в музее?

– Думаю, тогда бы я точно попал в концепцию выставки, – усмехнулся император.

– Это… это возмутительно! Тем более в музее! – поджала губы Фелиция. – Эдвард, ты просто обязан выказать свое неудовольствие министру культуры и искусства.

– И ему тоже?

– А кому еще? – поинтересовался Джаспер, игнорируя взгляд жены.

– Даже не знаю, с кого начать: министр юстиции, премьер-министр… ах, да, еще же верный Тоби!

– Тогда уж проще разогнать все правительство, – фыркнул Джаспер.

– Ты зришь в корень, – император улыбнулся возмущенной сестре. – А ты что думаешь, дорогая, не разогнать ли мне весь этот кабинет к черту?

– Не сквернословь! – Фелиция вздернула голову и тут же широко распахнула глаза, осмысливая услышанное: – Ты хочешь выразить недоверие правительству?

Император чуть повернул голову и выразительно посмотрел на слуг, делавших вид, что собирают посуду со стола, а на самом деле прислушивающихся к каждому слову монарха.

– Мы не можем обсудить это чуть позже? – иронично спросил он. – Иначе, боюсь, наш верный Тоби узнает все отнюдь не от тебя!

Фелиция сверкнула глазами, но тут же взяла себя в руки.

– Оставьте нас, – холодно распорядилась она.

Джаспер бросил вопросительный взгляд на шурина, но тот едва заметно качнул головой, давая понять, что не желает оставаться с Фелицией наедине.

– Значит, ты хочешь расформировать кабинет министров? – воскликнула принцесса, когда дверь за слугами закрылась.

– Ага. Разогнать эту кучку напыщенных снобов! – кивнул Эдвард, криво усмехаясь.

– Но это… Нед, это безумие!

– И почему же?

– Эти люди служила нашему отцу!

– Лучше бы они служили империи.

– В стране вот-вот наступит кризис!

– Он и так наступил. Просто ты, сидя в этом особняке, его не заметила.

Фелиция вскочила:

– Ты упрекаешь меня в легкомыслии?

– Скорее в медлительности.

Мужчины тоже встали. Несколько секунд брат с сестрой стояли и смотрели друг на друга. Фелиция отвела глаза первой.

– Хорошо, – выдохнула она, вновь садясь за стол, голос дрожал. – Ты можешь оскорблять меня в моем собственном доме на глазах у моего мужа, но Эдвард, подумай о стране!

– Я о ней и думаю. Знаешь ли ты, что теперь из-за двух амбициозных кретинов мы вынуждены выплатить огромные средства из бюджета в качестве компенсации? Более того, на ближайшем заседании Межмировой Парламентской Ассамблеи будет рассмотрен вопрос о лишении нашей страны права голоса! И это не считая броских заголовков инфосайтов! – Эдвард покачал головой. – Даже я пока полностью не представляю, чем для нас обернется вчерашний проигрыш в суде! В любом случае, о сотрудничестве с Альянсом по освоению космоса можно забыть.

Джаспер с сочувствием взглянул на императора:

– Неужели все так плохо, Нед?

– Откуда я знаю? – Эдвард потер лоб. – Придется подождать некоторое время, чтобы оценить весь масштаб потерь. А все из-за того, что два болвана пытались дать выслужиться своим сыновьям вместо того, чтобы обратиться к действительно профессионалам!

– У них все же есть оправдание, – сестра тут же встала на защиту доверенного круга отца. – Им противостоял не адвокат. А какой-то… монстр в юбке!

Фелиция процедила эти слова с такой ненавистью, что даже Джаспер посмотрел на супругу с удивлением.

– Дорогая, Эмбер Дарра просто делает свою работу. К сожалению, лучше, чем наши.

– Все равно она чудовище!

Заметив, что сестра обиженно надула губы, император негромко рассмеялся. Вспомнил фотографии вполне симпатичного «чудовища»: хрупкую фигурку, слишком большие для

изящного запястья часы – и что она хотела ими сказать? Бриллиантовый браслет подошел бы ей больше…

– Этот скандал сейчас весьма не вовремя, – вздохнул Джаспер. Он занимал пост в министерстве образования. – Все словно помешались на правах детей. И наши СМИ, а тем более зарубежные – все галдят о том, что мы просто звери. И наших бедных детей просто-напросто истязают. Хорошо хоть отменили закон о телесных наказаниях в закрытых школах.

– Я считаю, что зря, – поморщилась Фелиция. – Была мера воздействия. И все о ней были осведомлены. И поколения подданных Альвиона были мужчинами и женщинами. А не какими-то хлюпиками.

Эдвард вспомнил, как в первый раз, в десятилетнем возрасте, привезенный из дома в серую мрачную закрытую школу – вот где тюрьма так тюрьма, – он был наказан.

И даже не розгами, все-таки он являлся наследным принцем. Нет, его просто заперли в подвале. «С крысами», – как ему сказали. Как прислушивался, холодея от каждого шороха. Эдварду почему-то все казалось, что сейчас на него из кромешной тьмы выскочат огромные серые твари и сожрут его…

Его передернуло. Сколько лет прошло, а смотри как. Нет, хорошо, что под давлением возмущенной общественности он был «вынужден» подписать указ, запрещающий все это. Как они тогда удачно совместно с Джаспером эту самую возмущенную общественность и организовали. Оставалось надеяться, что Фелиция об этом никогда не узнает.

– Самое плохое, что это все произошло накануне церемонии Гарантов мира. Представляю, какой вой поднимется завтра, – покачал головой Джаспер. – Уже второй волной.

– Надо распорядиться, чтобы СМИ несли ответственность! – выпалила Фелиция. – И закрыть парочку самых оголтелых.

– На каком, позволь тебя спросить, основании? – лениво поинтересовался Эдвард, уже зная, какой ответ он услышит.

– Потому что все это – клевета!

– Лил, это не так, – мягче, чем планировал, ответил император, поймав умоляющий взгляд Джаспера. – И порку детей мы отменили всего десять лет назад, в отличие от всего просвещенного мира. И ребенка этого гражданин империи вывез нелегально, более того, этот болван шантажировал мать, что доказала в суде Эмбер Дарра. А хуже всего то, что завтра я действительно буду собирать заложников от аристократических родов.

– Глупости, – пожала плечами Лил. – Все понимают, что эти «заложники» – лишь дань традиции. И в любом случае подростки в совершенной безопасности в лучшем колледже страны!

– Это наши граждане понимают. И то, как мне кажется, не все. А вот весь остальной мир – нет. Представляешь, как это выглядит со стороны: Император Эдвард традиционно, раз в год, отбирает у безутешных отцов и матерей их сыновей и дочерей. И дети покидают семьи, живут в закрытом интернате, становясь заложниками короны, гарантами верности их родов.

– Как в каком-нибудь средневековье, – добавил Джаспер.

– Ничего, кроме неприличных трат на обучение подростков, корона не несет, – отчеканила Фелиция. – И если отменять эту традицию, то только для того, чтобы наши жадные аристократы учили своих отпрысков в лучших заведениях за свой счет!

Эдвард удивленно посмотрел на сестру. Герцог Йоркский вздохнул:

– В любом случае отменить сейчас церемонию означало бы признать поражение перед Альянсом. Альвион не может себе этого позволить.

– В последнее время мне кажется, что Альвион вообще ничего не может себе позволить, – пробурчал Эдвард.

Фелиция снова поджала губы, но возражать не стала.

Глава 6

Эдвард покинул Керрингтонский дворец достаточно рано. Сестра была не в настроении, и император не успел переговорить с Джаспером наедине. Хотя, может быть, для подобного разговора было еще рано. Прежде чем начинать войну против древнейших родов, надо было все еще раз тщательно взвесить. Он проворочался полночи, но так и не решил, что же ему делать.

На следующее утро, стоя в гардеробной, император с тоской рассматривал себя в зеркало. Старинное, в массивной деревянной раме, оно отражало высокого мужчину в алом военном мундире. Темные волосы уложены с кажущейся небрежностью, на лице застыла маска отстраненного безразличия. В ярко-голубых глазах таился холод. Эдвард ненавидел этот день.

– Ваше величество, вы позволите? – Вопрос камердинера был риторическим.

Тяжелая, подбитая горностаем алая мантия легла на плечи. Бархат, расшитый золотом: львы стоят на задних лапах, как символ правящей династии. Каждый раз выходя на публику, император надеялся, что мантия привлечет внимание зоозащитников, они сообразят, что на мантии натуральный мех и поднимут шум по поводу убийства животных, после чего Эдварду только и останется, что под влиянием общественности отказаться от ношения такой тяжелой и неудобной вещи. Но зоозащитники просто преступно обходили вниманием данный факт. Приходилось надевать и носить жаркий мех летом. Традиции, чтоб их!

– Ваше величество… – тихий голос слуги вывел императора из состояния задумчивости, он взглянул на слугу и сделал шаг назад, позволяя закрепить на плечах массивную золотую цепь, на плоских звеньях которой были отчеканены гербы стран, входящих в имперское содружество. На цепи был закреплен золотой телец, висевший на бриллиантовом банте – старейший орден имперского содружества. Тоже, между прочим, тяжелый.

Дождавшись кивка императора, камердинер распахнул двери, повинуясь молчаливому приказу, слуги с торжественными лицами внесли сейф на антигравитационной платформе.

Имперская корона. Тяжелый золотой обруч, украшенный более чем тремя тысячами драгоценных камней.

Эдвард вдруг вспомнил, когда отец впервые показал ему эту корону. Кажется, тогда тоже был такой же день.

День юных Гарантов мира – как он именовался по указу императора Георга Первого, который возродил традицию, дикую с точки зрения и всего остального мира, и нынешнего императора. Благополучно забытую еще в средневековье. Что втемяшилось в голову августейшего предка, с чего он решил, что жизнь старшего в роду станет веским основанием не начинать бунт или не вступать в заговор…

Сложно сказать. Эдвард подозревал, что дело было во временном помутнении рассудка. Но… тогда слово императора было законом для подданных. И теперь раз каждый год старшие дети знатных семей приезжают в столицу, чтобы, как утверждают инфосайты всех миров, «стать заложниками имперского режима», а на самом деле учиться в одной из самых престижных школ Альвиона. Между прочим, за счет казны и налогоплательщиков.

Эдвард дважды предлагал законопроект об отмене этой традиции, и дважды парламент отказывал еще в первом чтении. «Мы – империя, – утверждали все эти лорды, важно сидящие на неудобных деревянных скамьях в огромном зале. – Вся наша страна зиждется на традициях».

Император подозревал, что все эти заседающие в парламенте аристократические роды, которые на людях заливались слезами, расставаясь со своими детьми, втайне, вернувшись из дворца, расстегивали воротники парадных мундиров и, радостно потирая руки, откупоривали

шампанское, чтобы отпраздновать такую удачу. Во всяком случае, на следующий день они выглядели именно так: с осоловевшими взглядами и мешками под глазами.

У самого Эдварда эта традиция рождала какой-то иррациональный ледяной ужас. И это притом, что неврастеником император уж точно не был. И богатой фантазией не отличался. Но ему иной раз мерещилось, что он вынужден отдать приказ убить Гарантов мира. Подростков.

При каких обстоятельствах – он и сам не знал. Фантазии просто не хватало, чтобы смоделировать ситуацию – и слава богу. Но… каждый раз накануне этого действа ему снился один и тот же кошмар. Он отдает приказ. Гробовая тишина. И взгляды… Взгляды приговоренных детей.

Поэтому его императорское величество был зол. Пикеты у дворца не придавали ему благодушия. А уж вчерашний вечер и тот был за гранью…

Мысленно Эдвард перебирал все те слова, которые хотел бы сказать кабинету министров, но никогда не скажет, потому что не хочет опускаться до уровня этих окончательно зажравшихся идиотов.

Корона привычной тяжестью легла на голову, обруч сдавил виски, вызывая головную боль. Эдвард вздохнул. Придется потерпеть часа два. Зато завтра он точно распустит кабинет министров. И пускай это вызовет кризис, обновление крови пойдет на пользу империи.

– Ваше величество! Пора, – подошел сэр Тоби и низко поклонился.

Император хмуро взглянул на него, заставил все-таки отвести глаза первым. Еще один кандидат на отставку. Хотя… Отставка лорда Норрака автоматически означает ухудшение отношений с Фелицией… Впрочем, куда уж хуже. После смерти отца они будто на расколотой льдине, и течение утаскивает их с сестрой друг от друга все дальше. Ладно, об этом следует подумать позже, после церемонии.

В сопровождении лакеев, несущих мантию, он прошел до тронного зала и остановился перед закрытыми дверями, ожидая неизбежного.

Звуки фанфар. Затем полная тишина и монотонное:

– Его императорское величество…

Огромные двери распахнулись, точно занавес в театре. Лакеи моментально отпустили края мантии, а сэр Тоби отступил вглубь галереи. Эдвард Пятый тяжело вздохнул и с последними словами распорядителя, чинно и степенно объявляющего все титулы императора, вошел в тронный зал.

Это величественное ало-золотое помещение всегда поражало своими размерами. Будучи совсем маленьким, Эдвард втайне от всех прокрадывался сюда, забирался на алое с золотыми львами кресло, стоящее под балдахином, представлял, как станет императором. Отец однажды застал его здесь, усмехнулся, потрепал по голове и будничным тоном сообщил, что когда Эдвард займет трон, то его самого уже не будет. В тот день игра прекратилась.

И вот он здесь. Идет по алому ковру к возвышению, волоча за собой мантию, точно крокодилий хвост. Эдвард даже не смотрел по сторонам, уже прекрасно зная, что происходит вокруг: склоненные головы, реверансы, торжественно-скорбные выражения лиц…

Пресса, дипломаты, министры, аристократы…

Душно.

Его императорское величество Эдвард Пятый пересек зал, дошел до трона. И уселся, почти не шевеля головой, чтобы тяжелая корона не сползла на глаза, как было однажды, еще в самом начале правления.

Удары посоха. Громогласное:

– Гаранты мира!

Двери вновь распахнулись, впуская на этот раз детей. В белоснежных одеждах. Словно агнцы на заклание, честное слово! Чинно и степенно они идут по кроваво-красному ковру к трону – приветствовать монарха и произнести слова древней вассальной клятвы.

Эдвард почти не смотрел на них. За десять лет ежегодных церемоний он уже наизусть выучил и слова клятвы, и все, что будет происходить после: торжественная речь секретаря, напоминающая историю данной церемонии, дрожащие от волнения голоса подростков, всхлипы матери-истерички, каждый год находилась такая, суровость отцов, позирующих перед камерами.

– Да, это тяжело, но традиции…

– Мы выражаем лояльность императору.

– Вручаем его величеству судьбы своих детей…

На этот раз что-то было не так. Эдвард не мог сказать, что именно, но что-то явно цепляло взгляд, мешая абстрагироваться от происходящего. Внезапно император осознал.

Розовые волосы! Они слишком выделялись на фоне ослепительно белых одежд. Белый – цвет невинности и чистоты помыслов. А еще на нем лучше видно кровь.

Эдвард нахмурился и едва заметно подался вперед, всматриваясь в девочку, с весьма оживленным видом крутившую головой, точно она впервые видела этот зал.

Зеленые глаза, показавшиеся очень знакомыми, блестели от предвкушения и непонятного торжества. Эдвард вдруг обратил внимание, что девочка держалась немного особняком от остальных, словно не была с ними знакома. Почувствовав на себе взгляд императора, розововолосая особа слегка смутилась и опустила голову, все равно внимательно следя за происходящим из-под ресниц. Сэр Тоби вышел из-за трона, остановился на ступенях, развернул свиток – еще одна нелепая деталь сегодняшней церемонии. В век технических достижений свиток смотрелся изумительно архаично.

Эдвард не слушал речь, все еще украдкой посматривая на заинтересовавшую его девочку. И кого же она так напоминала?

Император был готов поклясться, что буквально недавно он видел такие же глаза, сверкающие, точно изумруды, но само событие ускользало из памяти, то и дело вытесняемое тупой головной болью.

Дочитав, секретарь свернул свиток и отступил к стене. Время клятвы. Головная боль нарастала. Эдвард с силой стиснул подлокотники. Осталось совсем немного, и он, сказав подобающие этой церемонии слова, наконец уйдет к себе, переоденется в мягкий свитер и, наверное, напьется.

Дети, а их в этом году их восемь, становятся слева от трона.

Распорядитель читает фамилии родов, отдающих своих наследников на милость его величеству, императору Эдварду Пятому. Каждый подходит к трону и кланяется своему повелителю.

– Алексия Макленбургская!!

Неуклюжий поклон вновь привлек внимание. Девчонка кланялась так, словно тренировалась не с пеленок, а так… пару дней. Странно.

Эдвард пытался вспомнить, видел ли он когда-нибудь эту девочку раньше. Впрочем, мог и не видеть: бароны Макленбургские не слишком жаловали правящую династию.

Эдвард усмехнулся, вспомнив, как в институте вызвал нынешнего главу рода на дуэль. Была замешана девушка. Дрались на рассвете, на шпагах, и Эдвард почти победил, но… их обнаружила охрана колледжа. Скандал удалось замять, самого наследника престола отправили во дворец к бабушке, и он целый месяц пропалывал розы, а вот Макленбургского вынудили уехать на несколько лет.

Когда же это было? Лет пятнадцать назад, не меньше.

Странный шум диссонансом врезался в голову. Вынырнув из воспоминаний, Эдвард не сразу понял, что происходит. Вместо торжественно-серьезными клятв детей, звучащих в абсолютной тишине под сводами дворца, все услышали единственный голос, полный скрытой ярости и ненависти. Император с интересом взглянул на одинокую хрупкую фигуру блондинки,

стоявшую в центре зала. Зеленые глаза женщины зло сверкали. Эдвард наконец вспомнил, где он их видел. Госпожа Нет. Адвокат, которая обошла всех его юристов и выставила Империю на всеобщее посмешище.

– …В рамках данных мне полномочий я выражаю протест по поводу нахождения среди так называемых Гарантов мира несовершеннолетней Алексии Дарры, гражданки Межгалактического Альянса, незаконно вывезенной с территории проживания.

На мгновение повисла оглушительная тишина, которая взорвалась шумом, будто все вороны разом слетелись во дворец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.